

Избранные стихи

Category: Goşgular, Kitapcy
написано kitapcy | 25 января, 2025
Избранные стихи ИЗБРАННЫЕ СТИХИ

Принесла случайная молва
Милые, ненужные слова:
Летний Сад, Фонтанка и Нева.

Вы, слова залетные, куда?
Здесь шумят чужие города
И чужая плещется вода.

Вас не взять, не спрятать, не прогнать.
Надо жить – не надо вспоминать,
Чтобы больно не было опять.

Не идти ведь по снегу к реке,
Пряча щеки в пензенском платке,
Рукавица в маминой руке.

Это было, было и прошло.
Что прошло, то вьюгой замело.
Оттого так пусто и светло.

* * *

М. Горлину

Шла тихонько по серой улице
Мимо распушенных деревьев,
С надеждой глядя на нежные,
Жемчужные фонари.
Было небо сизо-розовым,
А тучи – голубыми.
Петушок над острою церковью
На прозрачном чернел кресте.
Шла и думала: как утешиться

Этой свежестью, этой радостью...
Счастлив тот, для кого крылатый
Этот вечер дороже всех.
И еще: зачем на свете
Безучастным томиться призракам,
Если даже в деревьях сонных
Изумрудная бродит кровь?

* * *

Нет, не замкнута жизнь, огромным Божеским чудом
Круг прорывая забот, щедрый врывается зов.
Золото дальних высот, тревожный ветер оттуда,
Все разрешение дней, все оправдание слов.

Только этого жди, и если стар ты и болен
И тяжелее свинца замерло сердце в груди,
Громче всех голосов со всех земных колоколен,
Самого света светлей, о, только этого жди.

* * *

В гулкий час предутренних молений
Опустишь тихонько на колени,
Не зови, не жди, не прекословь.

Помолись, чтобы тебя забыли,
Как забыли тех, что прежде были,
Как забудут всех, что будут вновь.

* * *

Радость моя, любимый мой!
Черной меня затопило тьмой.
В черной пустыне одна тону,
Сердце мое идет ко дну.

Знаю, далёко, в твоём краю
Тучи летят и птицы поют.
Только и светит сквозь ночь мою

Дальнее солнце, в твоём краю.

* * *

Сегодня солнце желтое, как мед.
Сегодня птицы в небесах поют.
О, светлых дум безгрешный водомет,
Дневных лучей сверкающий приют!

Пусть вихрь морской упорен и жесток,
И в белый панцирь заключен гранит, -
Из года в год струящийся поток
В моей душе немолчно говорит.

* * *

Какое, должно быть, счастье
Идти по улицам влажным,
И каждый камень и каждый
Изъеденный ветром дом
Встречать, узнавать и гладить
Рассеянным, мягким взглядом,
Затем, что и я отсюда,
И все это здесь мое.

И слушать глухое пенье,
Что сердце мое тревожит,
И знать, что оно похоже
На пенье сердец других,
И знать по очкам прохожих,
Какие в них скрыты думы,
Читать по глазам угрюмым,
Какое в них слово спит.

* * *

Так это снова не мои пути:
Другим и блеск, и зелень, и прохлада.
Весенним днем мне не о ком грустить,

И поджидать мне никого не надо.

Пойду одна в кудрявый, буйный сад
Послушать птиц: они неутомимы
И говорят о том, что все любимы,
Что все хранимы Богом, говорят.

* * *

Мне снилось – о, если бы было
То, что мне Бог открыл! –
Мне снилась моя могила:
Над нею птица кружила
Серпами черных крыл.

Мне снились дальние звоны
– Откуда они, скажи? –
И жаркого неба склоны
Стекали на лес зеленый,
На желтое поле ржи.

И было мне так спокойно,
Так сладко было мне
Под этой рекою знойной,
Под этой волною хвойной
Глубоко лежать на дне.

* * *

Чистота, чистота и звон
На высотах Твоих, о, Боже,
И Тобой этот мир рожден,
Этот мир, на Тебя похожий.

Отчего же весенним днем,
Самым стройным и самым ясным,
Загорается кровь огнем
И безудержным и напрасным.

И сильнее, чем голос вод,

И слышнее, чем птиц служенье,
Этот зов, что меня ведет
В немоту и в уничтоженье.

• Из сборника «МОЙ ГОРОД»

Мне был отчизной город белый,
Где ветер треплет вымпела,
И оттого я звонко пела
И беззаботная жила.

Мне был дорогой снег широкий,
Светлей и тише тишины,
И оттого я знала сроки
Ручьев, и солнца, и весны.

Мне был звездой корабль червонный
На тонком шпиле вознесен,
Плывущий в синий, многозвонный,
Неугасимый небосклон, —

И оттого куда б ни шла я,
Который день, который год,
Звезда нетленно-золотая
Передо мною восстает.

1926.

* * *

Я теперь как девочка играю,
И с тобой мне весело итти
По родному северному краю,
Где легли зеленые пути.

Ты уйдешь, а я роптать не буду,
Только громко, громко запою
О покорности великой чуду,
О великой радости в раю.

И поток времен неторопливый
Принесет мне в душу забытьё.
Будут люди звать меня счастливой
За мое бездумное шитьё.

А когда откроется могила,
И заглянет смерть через плечо,
Я скажу, что я тебя любила,
Безнадёжно, нежно, горячо.

1920.

* * *

Нам не долго странствовать болотами
Мимо пней по ледяным извилинам,
Где открыт простор за поворотами
Только ночью желтоглазым филинам.

Нам не долго пробираться по лесу,
Не найдя покинутое логово,
И брести к серебряному полюсу
Во владенья волка длинноногого.

Все светлей за дальними туманами
Звезды катятся стезями вольными
Над необозримыми полянами,
Над деревьями широкоствольными.

Все слышней чрез пустыри окрестные
Голоса звучат червонным золотом,
А на высях плотники небесные,
Строя кельи, ударяют молотом.

И не страшно отойти в обители,
Где покои странным уготованы,
И стоят у входа небожители,
Молодой березой коронованы.

1920.

• ВОРОБЕЙ

Все мы птицы, все певуньи,
Только разные песни у нас,
И одна поет в новолунье,
А другая в рассветный час.

И одна к синеве и славе
Молодой стремится полет,
А другая в ржавой канаве
Собирает, что Бог пошлет.

А я маленький воробей,
На заборе нас немало есть.
Из пращи меня не убей,
Дай допеть мою дикую весть, —

Все о лужах пути Господня,
О зерне заоблачных стран
И о том, что мне сегодня
Безголосому голос дан.

* * *

Всякому в мире свое дано.
Всякому в мире свой удел:
Камень зарылся в морское дно,
Сизый орел высоко взлетел.

А я не орел и не камень я,
Течет и проходит жизнь моя,
Пустой ручей, а мой дух ничей,
И брошен он Богом в царство лучей.

* * *

В тихом поле сердцу отраднo,
Ходят рыбы в речке прохладной,
Смотрит небо в желтые нивы,
Колос к колосу льнет ленивый,

А тому, кто один у Бога,
Много дорог и золота много.

1923.

* * *

Как мне легко вспоминать об этом,
О том, что будет со мной в конце,
Когда я прощусь с золотистым светом,
Когда я утихну в моем Отце.

Ни радугой чистой, ни звездою
Не станет в мире душа моя.
Я только землю лицо покрою,
Я только забуду, что это я.

И будут плыть небеса, пылая,
И деревья шуметь и трава расти,
И ведь только затем на земле жила я,
Чтоб ничем не быть и во всем пройти.

1924.

* * *

Когда одной осталась,
И стало мне темно,
Ко мне пришла усталость
В открытое окно.

Широкою волною
Упала мне на грудь.
«Я всю тебя покрою,
Не стоит... позабудь.

* * *

Над домами дым и глина,
А на улицах вода.

О, дождливого Берлина
Ненавистная страда!

Вот идут, идут рядами,
Не поймешь, не знаешь кто,
С глянцевитыми зонтами,
В прорезиненных пальто.

И какое же им дело
До зеленых зеленей,
До дороги почернелой,
Да что нынче прилетела
Птица радости моей.

1927 Март.

• Из сборника «ТИШИНА»

О тишина, тишина,
Ты, что всегда слышна,
Ты, чей не молкнет зов
В грохоте городов,
В скрипе железных дней,
Ты, что всего сильнее!

Голос разбитых льдин,
О глубина глубин,
Озеро темных вод,
Сердце тобой живет.

* * *

Растеряла по дорогам годы,
Отпустила по ветру друзей.
Что ж осталось от моей свободы,
Что осталось мне от жизни всей?

Только солнца дым неуловимый,
Что к траве сияющей приник,
Только сердца стук неутомимый —

Тишину внушающий язык.

* * *

Оттого что на улицах звон и огни и пакеты,
Оттого что на небе морозная крушится муть,
Я забыла грустить, я забыла и кто ты и где ты,
И куда этот гладкий, укатанный шинами путь.

Черных елок ряды, а за ними лучистые двери,
Золоченые ангелы пляшут за темным окном.
От рассыпанных хвои, от рождественских детских поверий
Веет льдом и смолой, будто здесь не чужбина, а дом.

Вот большими шагами, укутано в шубу большую,
Приближается счастье, мое ли, чужое ли, чье?..
Я сложила сегодня веселую песню такую,
Чтобы славить мороз и пустое, простое житье.

Берлин Декабрь 1928.

* * *

Я не пишу и не творю,
А только тихо и покорно
Плыву в горячую зарю,
Что мне открылась ночью черной.

И разве то моя вина,
Что ежедневно, ежечасно
Я, Божий колокол напрасный,
Звенеть и петь осуждена.

* * *

Весною душа устала,
Ей каждая боль больней,
И даже ребенок малый
Приказывать может ей.

И только одно покорно,
Безвольно твердит она,
Как птица на ветке черной,
Которая петь должна.

Март 1933.

* * *

Господи, умереть бы сразу,
Никогда не поднять бы век.
Не увидеть небес алмаза,
Голубых и горячих рек.
Господи, потонуть бы сразу,
Позабыть бы себя навек.

Долго ли я скитаться буду,
Раздавать, расточаться всюду
И от скудости умирать?

Ты пошли мне совсем простое
Золотое счастье земное,
Или дай мне уснуть опять.

1931.

* * *

Над моей душой, огневой и дикой,
Над моей слепой, ненасытной жадой
Ты простер свой плащ, где текут туманы,
Голубой твой плащ, где пасутся звезды.

Научи меня, о Владыка, песням,
Самым чистым, тем, что не спеть и птицам,
Чтобы стал лучом твоего веселья
Твой усталый раб, твой слуга бездомный.

1934.

* * *

Пусть небо черное грозит дождем,
Я солнце горное видала в нем.

Пусть в блесках инея земля тверда,
В лагуне синяя тепла вода,

И чайки носятся, и даль чиста,
И так и просятся к устам уста.

Благословенная моя тоска,
Огонь задумчивый, что сладко жжет,
Я привезла тебя издалека,
Я сохраню тебя от всех невзгод.

* * *

Лишь всплеск короткий, и тихо будет:
Ни зной, ни холод, ни свет, ни мгла,
И позабудут живые люди,
Что вот жила я, и вот ушла, —

И только чаек шальная стая,
Водю синей омыв крыла,
В ветрах напишет, кого ждала я,
Кого любила, кого звала.

1930.

* * *

Налетает ветер длиннокрылый,
Заметает по дорогам след,
Чтоб не помнить нам того, что было,
Не искать, чего уж больше нет;

И струится небо голубое,
Острова седые унося,
Чтоб нам жить в безоблачном покое,

Ни о чем у Бога не прося.

Ну а сердце, сердце не умеет,
Неуклонно темное зовет.
Для него напрасно ветер веет,
Истекает солнцем небосвод.
Ничего оно не понимает,
Об одном твердит который год.

1931.

* * *

Нож железный поверни,
Что вонзился в сердце мне,
Облакам меня верни,
Вышине и тишине.

Пусть растает жизнь моя
С белой пеною небес,
Пусть навек исчезну я,
Как вчерашний день исчез.

Смоет солнечная мгла
Каждый час и каждый миг,
Чтоб и память не нашла,
Чтоб и голос не настиг.

Август 1931.

* * *

Я всем простила, всем, и тем, что здесь томят,
И тем, что за морем, я всем теперь простила.
Я душу по ветру на волю отпустила;
Лети, ненужная, не прилетай назад.

Давно ль, мучительным затянута узлом,
Она в бессилии рвалась и задыхалась.
И вот минула боль, и расточилась жалость,

И грань утрачена между добром и злом.

Возьми же песнь мою, пустая синева!
Мой голос затопи огромными волнами!
Пусть в пламени твоём мое затихнет пламя,
И эти горькие слова.

1932.

* * *

Я научилась лжи последней
И искушенью и огню.
Я детства ласковые бредни
Сегодня все похороню.

Под этим кипарисом смуглым,
Где птицы прячутся шурша,
Над этим куполом округлым,
Что вырастает не слеша,

Над этим городом равнинным,
Укрытым в дымное тепло,
Куда меня томленьем длинным,
Желаньем долгим привело.

* * *

Кроткой весной осенней,
В час, когда гаснут тучи,
Мимо деревьев серых,
Вдоль отсырелых стен,
Тонким дыша туманом,
Глядя в слепые лица,
Слыша гудки и звоны,
Думая о другом...

Кто у меня отнимет
Вечера блеск павлиний,
Что омывает мягко

Шелковая вода,
Теплый слоистый камень,
И кипарисный запах,
И тишину, и радость
Жестких и нежных губ?

Ноябрь 1932.

* * *

Я могу за стол тихонько сесть,
Книгу взять и думать и молиться.
Захочу, и я припомню лица
Всех друзей, какие в мире есть.

Только губ любимых не вернет
Ни мольба, ни память, ни наука,
Господи, за что такая мука,
Этот долгий, этот сладкий гнет?

1933.

* * *

Когда тебя я вижу,
Я делаюсь добрей,
И солнце светит ближе,
И небо голубей,

И я прощать готова,
И даже боль легка,
И ласковое слово
Слетает с языка,

И сколько есть на свете
Благословений всех –
На детские, на эти
Глаза, где блещет смех.

Август 1930.

* * *

Я тебя люблю, как бабушка внученка,
О твоей любви не спорю, не томлюсь,
Но лишь стоит мне припомнить голос звонкий,
Легче тишина и одолимей грусть.

Знаешь – я стара, хоть радовалась мало.
Знаешь – я одна, хоть с многими была.
Столько на пути я ласки растеряла,
Что уж ласка мне чужая не мила.

Только вот порой припомню голос звонкий,
Молодость твою и твой веселый взгляд.
Я тебя люблю, как бабушка внученка,
За свою любовь не требуя наград.

* * *

Какое должно быть счастье
Итти по улицам влажным,
И каждый камень и каждый
Изъеденный ветром дом
Встречать, узнавать и гладить
Рассеянным, мягким взглядом,
Затем, что и я отсюда,
И все это здесь мое.

И слушать глухое пенье,
Что сердце мое тревожит,
И знать, что оно похоже
На пенье сердец других,
И знать по очкам прохожих,
Какие в них скрыты думы,
Читать по губам угрюмым,
Какое в них слово спит.

Март 1932.

* * *

Мне бы снова подойти к окну,
Мне бы только заглянуть во двор,
Где гуляет кошка по бревну,
Где дрова вязанками и сор.

Мне бы слушать медленную речь
Про клеста, про рыбок золотых.
Няня, няня, сердцу не сберечь
Благодати мирных слов твоих!

Унесло меня за те моря,
Где заря скрывается горя.
Там, где спать ложатся облака,
Флагом треплется моя тоска.

1932.

* * *

О том, как в доме большом
Тихонько жилось и чинно,
О красном ковре в гостиной,
О желтых звездах на нем,

О небе, что за окном
Над ржавой снежит флюгаркой,
О кухне, нагретой жарко,
Где можно играть с котом,

И много еще о чем
Я вспомнила, засыпая,
Как если бы мгла слепая
До дна процвела лучом.

1932.

• Из сборника «ЗАВЕТЫ»

Живым служи, о мертвых вспоминай
И радуйся лучам и будь послушна.
Не ложный свет тебе явил Синай,
Не сложный путь среди пустыни душной.

Квадратных плит простые письма,
Храни, верна, до дня успокоенья,
И знай, опять начнутся времена
Для новых душ и нового строенья.

* * *

Как мне вернуться к вам, святые имена,
К вам буквы черные – разрушенные храмы?
О, как беспомощно вам кровь моя верна,
Как чует трепетно, как слушает она
Один и тот же зов, веками тот же самый.

Я с вами быть хочу, как те, кого уж нет,
Прилежно повторять, как повторяли дети,
Квадратные слова, простейший ваш завет,
И знать, что ширится неистребимый свет,
И льется в сумерки тепло тысячелетий.

Сентябрь 1932.

* * *

Быстрее туч уходит жизнь земная,
Быстрее птиц проносятся года,
А мы живем, не помня и не зная,
И строим дом, как будто навсегда.

О, жаркий воздух странствия земного,
О, свет, о, блеск, о, каждый пыльный час,
Мне жалко вас: вы не вернетесь снова,
С иной земли я оглянусь на вас.

* * *

Голубь в руке –
Сердце мое:
Стонет оно
Сумрачным днем,
Бьется оно
Теплым крылом,
Рвется к тебе,
Родина.

Нет ему сна,
Нет ему дна,
Только в тумане
Ветка одна:
Ты ли близка,
Родина?

Черная ветка,
Жалобный лес,
Воздух колючий
До небес.
Даже если твой свет исчез –
Верность тебе,
Родина.

* * *

Когда душа расширится как храм,
Построится торжественным покоем,
Куда глядеть испуганным глазам,
В какую щель мы наше счастье скроем?

И голос там, и звон, и тишина,
И праздника сияющая чаша,
А наша мгла до дна запылена,
И до конца открыта сирость наша.

* * *

Приготовилась душа для песен,

Настежь вся, и ждет и не дождется,
Что огромен, светел и воскресен
Новый звон по мраку разольется.

Уж она ли не поймет, внимая,
Каждый взгляд и каждое снижение,
Уж она ли не найдет, немая,
Правильное в слове отраженье?

• ФОРТУНАТ

Pange lingua...

Братским голосом из глубины времен,
Братским голосом по тишине ударь,
Чтобы царственный перекатился звон,
Чтобы дарственный позолотился ларь.

Так приказано от сотворенья дней,
Чтоб расплавленный мы берегли металл,
Чтоб раздавленный еще звенел сильнеей,
Божий колокол из запустенья скал.

• К РИМУ

(Стихи X-го века)

Консулов помнящий Рим, твоих не счислить триумфов;
Звон похоронный зачем, консулов помнящий Рим?
Что удручает тебя, счастливый, слава вселенной,
Что омрачает твой взор, что удручает тебя?
Радуйся, мира отец, победный факел затепли,
Вновь ожидая наград, радуйся, мира отец.
Праведной крови ценой твои платили потомки,
Ныне же ты воскрешен праведной крови ценой.
Снова приходит к тебе в лесах скрывавшийся пахарь,
Бросивший ловлю рыбак снова приходит к тебе.
Пыль бесконечных дорог его пылила одежды, –
Свежей водою умой пыль бесконечных дорог.

Павел, твой пастырь, овец домой приводит омытых,
Прямо в овчарню ведет Павел, твой пастырь, овец.

• **О НИЧТОЖЕСТВЕ ЧЕЛОВЕКА**

(Из Якопоне да Тоди)

Человек, подумай ныне,
В чем залог твоей гордыни,
Человек, понять не худо,
Ты – зачем и ты – откуда.
И куда веленьем чуда
Возвратишься ты опять.
Смертным семенем зачатый,
Тленьем мерзостным объятый,
Ну, какой-же ты богатый! –
Нечем, кажется, блистать.
Ты из скверны зародился,
Среди плача появился,
С нищетой породнился
И землю должен стать.
Ты пришел сюда безродным,
Нищим, голым и голодным,
Гостем всюду неуютным:
Песней первую был плач.
Гостем стал земного края,
Всем заботы доставляя,
Но тебе, благословляя,
Дал Спаситель благодать.
Как греха ты не заметил?
Сам Господь явился светел,
Ты же злобою ответил,
Где ж причина ликовать?
Ходишь пышно разодетым,
Все спасенье видишь в этом,
Рад отдаться всем суетам,
Чтобы знатность показать.
Скот руно дает густое,

Колос семя золотое, –
Ты же мыслишь все пустое:
Как гордыне угождать.
Оглянися умным оком:
Вот на дереве высоком
Много яблок, сладким соком
Любо жажду утолять.
С виноградом сколько дела:
Гроздь налиться не успела,
Надо снять ее умело,
Чтоб вино заготовлять.
Человек, к тебе пристало
Всякой мерзости не мало,
И у малых блох есть жало,
Что тебе мешают спать.
Любишь ты свои владенья,
Так прими же в разуменье,
Что из этого имения
Ты в могилу можешь взять.

• НЕИЗДААННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ 1942-43

Такой любви беспомощной и жаркой
Родители не знали никогда,
Лишь нам остались горькие подарки
Отчаянья, разлуки и труда.

Но и в разлуках мы неразлучимы,
И в муках мы друг другу отданы,
Нас не страшат ни ледяные зимы,
Ни голубое тление весны.

И знаем мы, что стоят наши встречи,
О, все другое марево и дым:
И сердца стук и звук родимой речи,
Произнесенной голосом родным.

* * *

Не прекословь, высок и светел
Господен рок,
Господь лучом тебя отметил
Средь всех дорог,

Лучом пронзительным, жестоким
И золотым,
Чтоб стали все земные сроки,
Как прах и дым,

Чтоб стали все земные звуки,
Как тишина,
И даже горе, и даже муки,
Как тени сна.

Смотри, бессилен и бессловесен
Ты прежде был,
А ныне полон чудес и песен
И звона крыл.

* * *

Я иду зелеными лугами,
Я твержу весенние слова,
И небес лазоревое пламя
Раздувает ветер торжества.

Я ли это, брошенная всеми,
Желтый лист в цветении ветвей,
Спелый колос, потерявший семя,
Голос потерявший соловей.

И моя ли это песня льется,
Отдается звоном в пустоту,
И мое ли это сердце бьется
И надежду ловит налету.

* * *

Небо благостное и жарок

Запах трав и деревьев сонных,
Небо праведное – подарок
Для усталых и огорченных,

Свод торжественный, купол полный
Птичьим щебетом, Божьим звоном,
И горячего ветра волны
По кудрявым сбегают склонам

До реки, до травы высокой,
Незабудковой, бирюзовой,
Где над девочкой синеокой
Смерть насыпала холмик новый.

* * *

Я здесь, я здесь, ты слышишь, милый,
В долине на зеленом дне,
Меня холмами заслонило,
Меня забыли в глубине.

Я здесь живу себе чужая,
Позабывая жизнь мою,
Былое счастье провожая,
Я даже слез о нем не лью.

Трапа высокая одела
Утесов сонные бока,
Из бирюзового предела
На них спустились облака.

Заволокло, запорошило
Дремучей тишью жизнь мою.
Я здесь, я здесь, ты слышишь, милый,
Я вместе с птицами пою.

* * *

Полная чаша света,
Как изумруд весна,

Право, долина эта
Радостной быть должна.

Гор несуровых главы
Теплый туман облек,
Среди травы кудрявой
Чистый бежит поток.

Тихо кругом и сонно,
Что же который раз
Сердце неугомонно
Страшный твердит рассказ,

Страшный, неумолимый,
Неодолимый бред,
Что все прошло уже мимо,
Что ничего уже нет.

* * *

Далеко нечего итти,
Куда итти далеко?
Все возвращаются пути
К единому истоку.

Лишь остается синева,
Трава и ветер вольный
И безучастные слова
О том, как было больно.

* * *

Постоянство ваше, горы,
Ваши круглые чела,
Тихий заговор, который
Вяжет с травами пчела,
Знамя розовое ночи,
Знамя палевое тьмы,
Все залог, что мир наш прочен,

Что непрочно только мы.

Только мы проходим мимо,
Не вернемся никогда,
Только мы неповторимы,
Как падучая звезда.

Горькой памятью творима
Радость каждая опять
И любви неуловимой
Больно узы порывать.

Раи́са Но́евна Блох (в замужестве Го́рлина; 29 сентября 1899, Санкт-Петербург – 1943, концлагерь Освенцим, Верхняя Силезия) – поэтесса русской эмиграции, жена поэта Михаила Горлина.
Goşgular